

Старый парикмахер

Мы жили в одной комнате коммуналки на углу Комсомольской и Чкалова. На втором этаже, прямо над садиком „Юный космонавт”. В сталинках была хорошая звукоизоляция, но днём было тихонько слышно блямканье расстроенного садиковского пианино и хоровое юнокосмонавтское колоратурное меццо-сопрано.

Когда мне стукнуло три, я пошёл в этот же садик. Для этого не надо было даже выходить из парадной. Мы с бабушкой спускались на один этаж, она стучала в дверь кухни, и я нырял в густое благоухание творожной запеканки, пригорелой кашки-малашки и других шедевров детсадовской кулинарии.

Вращение в этих высоких сферах потребовало, чтобы во мне всё было прекрасно, как завещал Чехов, и меня впервые в жизни повели в парикмахерскую.

Вот тут-то, в маленькой парикмахерской на Чкалова и Советской Армии, я и познакомился со Степаном Израилевичем. Точнее, это он познакомился со мной. В зале было три парикмахера. Все были заняты, и ещё пара человек ждали своей очереди.

Я никогда еще не стригся, был совершенно уверен, что как минимум с меня снимут скальп, поэтому ревел, а бабушка пыталась меня взять на „слабо”, сочиняя совершенно неправдоподобные истории о моем бесстрашии в былые времена:

– А вот когда ты был маленьким...

Степан Израилевич – высокий, тощий старик – отпустил клиента, подошёл ко мне, взял обеими руками за голову и начал задумчиво вертеть её в разные стороны, что-то бормоча про себя. Потом он удовлетворенно хмыкнул и сказал:

– Я этому молодому человеку буду делать голову!

От удивления я заткнулся и дал усадить себя в кресло. Кто-то из ожидающих начал возмущаться, что пришел раньше. Степан Израилевич небрежно отмахнулся:

– Ой, я вас умоляю! Или вы пришли лично ко мне? Или я вас звал? Вы меня видели, чтобы я бегал по всей Молдаванке или с откуда вы там себя взяли, и зазывал вас к себе в кресло?

Опешившего скандалиста обслужил какой-то другой парикмахер. Степан Израилевич не принимал очередь. Он выбирал клиентов сам. Он не стриг. Он – делал голову.

– Идите сюда, я буду делать вам голову. Идите сюда, я вам говорю. Или вы хотите ходить с несделанной головой?!

– А вам я голову делать не буду. Я не вижу, чтобы у вас была голова. Раечка! Раечка! Этот к тебе: ему просто постричься.

Степан Израилевич подолгу клацал ножницами в воздухе, елозил расческой, срезал по пять микрон, и говорил, говорил не переставая.

Всё детство я проходил к нему. Стриг он меня точно так же, как все другие парикмахеры стригли почти всех одесских мальчишек: „под канадку”. Но он был не „другой парикмахер”, а Степан Израилевич. Он колдовал. Он священнодействовал. Он делал мне голову.

– Или вы хотите так и ходить с несделанной головой? – спрашивал он с ужасом, случайно встретив меня на улице. И по его лицу было видно, что он и представить не может такой запредельный кошмар.

Ежеминутно со смешным присвистом продувал металлическую расческу, будто играл на губной гармошке. Звонко клацал ножницами, потом брякал ими об стол и хватал бритву – подбрить виски и шею.

У Степана Израилевича была дочка Сонечка, примерно моя ровесница, которую он любил без памяти, всеми потрохами. И сколько раз меня ни стриг рассказывал о ней без умолка, взхлёб, брызгая слюной от волнения, от желания выговориться до дна, без остатка.

И сколько у нее конопушек: её даже показывали врачу. И как она удивительно смеётся, закидывая голову. И как она немного шепелявит, потому что сломала зуб, когда каталась во дворе на велике. И как здорово она поёт. И какие замечательные у неё глаза. И какой замечательный у неё нос. И какие замечательные у неё волосы (а я таки немножко разбираюсь в волосах, молодой человек!).

А ещё – какой у Сонечки характер.

Степан Израилевич восхищался ей не зря. Она и правда была очень необычной девочкой, судя по его рассказам. Доброй, весёлой, умной, честной, отважной. А главное – она имела талант постоянно влипнуть в самые невероятные истории. В истории, которые ментально превращались в анекдоты и пересказывались потом годами всей Одессой.

Это она на хвастливый вопрос соседки, как сонечкиной маме нравятся длиннющие холёные соседкины ногти, закричала, опередив маму: „Ещё как нравятся! Наверно, по деревьям лазить хорошо!”.

Это она в трамвае на вопрос какой-то тётки с детским горшком в руках: „Девочка, ты тут не сходишь?” ответила: „Нет, я до дома потерплю”, а на просьбу: „Передай на билет кондуктору” – удивилась: „Так он же бесплатно ездит!”.

Это она на вопрос учительницы: „Как звали няню Пушкина?” ответила: „Голубка Дряхлая Моя”.

Сонины остроты и приключения расходились так стремительно, что я даже частенько сначала узнавал про них в виде анекдота от друзей, а потом уже от парикмахера.

Я так и не познакомился с Соней, но обязательно узнал бы её, встретить на улице – до того смачными и точными были рассказы мастера.

Потом детство кончилось, я вырос, ходил в армию, мы переехали, я учился, работал, завертелся, растерял многих старых знакомых и Степана Израилевича тоже.

А лет через десять вдруг встретил снова. Он был уже совсем дряхлым стариком, за восемьдесят. По-прежнему работал. Только в другой парикмахерской – на Тираспольской площади, прямо над „Золотым телёнком”.

Как ни странно, он отлично помнил меня. Я снова стал заходить к старику. Он так же торжественно и колдунски „делал мне голову”. Потом мы спускались в „Золотой телёнок” и он разрешал угостить себя коньячком. И пока он меня стриг, и пока мы с ним выпивали, болтал без умолку, брызгая слюнями. О Злате – родившейся у Сонечки дочке.

Степан Израилевич её просто боготворил. Он называл её золотком и золотинкой. Он блаженно закатывал глаза. Хлопал себя по ляжкам. А иногда даже начинал раскачиваться,

как на еврейской молитве. Потом мы расходились. На прощанье Степан Израилевич обязательно предупредил, чтобы я не забыл приехать снова:

– Подумайте себе, или вы хотите ходить с несделанной головой?!

Больше всего Злата, по словам Степана Израилевича, любила ириски. Но был самый разгар проклятых девяностых, в магазинах было шаром покати, почему-то начисто пропали и они. Совершенно случайно я увидел ириски в Ужгороде – и торжественно вручил их Степану Израилевичу, сидя с уже сделанной головой в „Золотом телёнке”.

– Для вашей Златы. Её любимые.

Отреагировал он совершенно дико. Вцепился в кулек с конфетами, прижал его к себе и вдруг заплакал. По-настоящему заплакал. Прозрачными стариковскими слезами.

– Злата... золотинка...

И убежал, даже не попрощавшись. А вечером позвонил мне из автомата (у него давно был мой телефон), и долго извинялся, благодарил и восхищённо рассказывал, как обрадовалась Злата этому немудрящему гостинцу.

Когда я в следующий раз пришёл делать голову, девочки-парикмахерши сказали, что Степан Израилевич пару дней назад умер.

Долго вызванивали заведующего. Наконец, он продиктовал домашний адрес старого мастера, и я поехал туда. Жил он на Мельницах, где-то около Парашютной. Нашёл я в полуразвалившемся дворе только в хлам нажравшегося дворника. Выяснилось, что на поминки я опоздал: они были вчера. Родственники Степана Израилевича не объявлялись (я подумал, что с Соней и Златой тоже могло случиться что-то плохое, надо скорей их найти).

Соседи затеяли поминки в почему-то не опечатанной комнате парикмахера. Помянули. Передрались. Танцевали под „Маяк”. Снова передрались. И растащили весь небогатый скарб старика. Дворник успел от греха припрятать у себя хотя бы портфель, набитый документами и письмами. Я дал ему на бутылку, портфель отобрал и привёз домой: наверняка, в нём окажется адрес Сони.

Там оказались адреса всех. Отец Степана Израилевича прошёл всю войну, но в самом конце был убит. Мать была расстреляна в оккупированной Одессе румынами, ещё за пять лет до гибели отца: в октябре 1941 года. Вместе с ней были убиты двое из троих её детей: София (Сонечка) и Голда (Злата). Никаких других родственников у Степана Израилевича нет и не было.

Я долго смотрел на выцветшие справки и выписки. Потом налил до краев стакан. Выпил. Посидел с закрытыми глазами, чувствуя, как палёная водка продирает себе путь. И только сейчас осознал: умер единственный человек, кто умел делать голову.

В последний раз он со смешным присвистом продул расчёску. Брякнул на стол ножницы. И ушёл домой, прихватив с собой большой шмат Одессы. Ушёл к своим сёстрам: озорной конопатой Сонечке и трогательной стеснительной Злате-Золотинке.

А мы, все, кто пока остался тут, так и будем теперь до конца жизни ходить с несделанной головой.

Или мы этого хотим?..